

«Взрывая, возмутишь ключи» — эта мысль Тютчева каждый раз приходит на ум, когда я слушаю пластинки серии «Антология советского джаза». Далеко не все, что сейчас, спустя пятьдесят — шестьдесят лет, вновь выходит на свет, выдерживает испытание временем. Когда-то легендарные имена, оркестры, отдельные номера их программ сегодня выглядят далеко не такими блестящими, как в свое время. Но переиздавать их все равно надо.

Выход сразу двух пластинок оркестра Эдди Рознера «Караван» и «Прощай, любовь» — большое и приятное событие для собирателей старых грамзаписей. Нелзя было не заметить, что имя Рознера, составившего если не эпоху, то уж по крайней мере очень яркую страницу в истории советского джаза и популярной музыки, заслуженного артиста Белоруссии, вдруг на какое-то время отовсюду исчезло... Лишь сегодня имя музыканта, его творчество возвращается к нам.

Он родился в 1910 году в Берлине, получив от родителей — польского еврея и немки — имя Адольф. Еще ребенком, как вундеркинд-скрипач, выступал в концертах, а в шестнадцать лет поступил в Берлинскую консерваторию, где увлекся джазом и трубой. Знаменитый Марек Вебер взял его в свой салонный оркестр играть на трубе джазовые брейки. Но Ади Рознер — такое имя теперь у него на сцене — вскоре уходит от Вебера в молодежный джаз-ансамбль «Вайнтрауб Синкопейторс», хоть и любительский, но веселый и эксцентричный. «Я там был единственным профессионалом, они же не умели играть, я им сделал программу», — рассказывал мне Рознер. Потом «синкопаторы» объехали всю Европу, в том числе с огромным успехом выступали и в СССР, но без Рознера: спасаясь от нацизма, он к тому времени эмигрировал из Германии в Польшу, где у него, уже прославленного трубача и в определенной степени поляка, не было недостатка в хорошей работе. В 1934

ВОЗВРАЩЕНИЕ

● M60 48361 004
ЭДДИ РОЗНЕР «Караван».
● M60 48411 008
ЭДДИ РОЗНЕР. «Прощай, любовь»
● M60 48359 006
АРТЕМИЙ АЙВАЗЯН. «Джан Ереван»

[Из серии «Антология советского джаза»]
Редактор Г. Скороходов. Реставраторы: Т. Павлова и Е. Дойников.

году, будучи на гастролях в Италии, Рознер встретился с Луисом Армстронгом и имел случай поиграть с ним и посостязаться в мастерстве. Эпизод этот оброс легендами. Рассказывают, что Великий Сачмо подарил молодому трубачу свою фотографию с надписью: «Белому Луи Армстронгу от черного Эдди Рознера». Так у Адольфа Рознера появилось новое имя, с которым он и вошел в джаз как «вторая труба мира».

Во второй половине 30-х годов у Рознера был уже весьма известный оркестр. В 1938 году он совершил большое турне по Европе, выступая в Монте-Карло, Амстердаме, Париже, Риге, Стокгольме. Columbia выпустила его первые пластинки, в том числе «Голубой прелюд», «Полночь в Гарлеме» и «Караван». Через год началась мировая война, и фашизм погнал его дальше на восток. Так он оказался в Белостоке, который вскоре оказался советским, где из таких же бежавших музыкантов он собрал новый биг-бэнд.

С самого начала Рознер (уже не Адольф, конечно, а Эдди) получил могущественного покровителя в лице тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Пантелеймона Пономаренко. Коллектив Эдди Рознера стал Государственным джаз-оркестром БССР, условия работы были неслыханно хорошие. Очень скоро

(в 1944 году) Рознеру было присвоено звание заслуженного артиста республики. Но... времена были неустойчивые — через два года крутой взлет сменился еще более крутым падением: Рознер был арестован, провел десять лет в лагерях, после возвращения и реабилитации собрал новый оркестр, и вновь его имя гремело... В конце 60-х он стал спланировать вокруг себя молодежь, планировал новый рывок, но время для джаза было не наилучшее, да и силы были не те, и он решил, что пора на покой.

Он отдал оркестр, стал пенсионером и решил остаток лет провести в том городе, где он родился и где прошла его юность. Ему разрешили уехать, не лишили гражданства и даже почетного звания; пожалуй, он был единственным из уехавших, чье имя не было вычеркнуто совершенно, правда, упоминалось оно вскользь и очень редко. Рознер умер в 1976 году в Западном Берлине, и лишь сейчас выходят его когда-то знаменитые грамзаписи. Это справедливо. В истории не должно быть белых пятен.

На этих двух рознеровских дисках мы вновь слышим знаменитые джазовые шлягеры Рознера — «Караван» и «Сан-Луи». Не ошибусь, если скажу, что в течение десяти послевоенных лет, а то и дольше они были непревзойденным образом «настоящего джаза» для целого поколения его любителей. Их главное достоинство — в обилии броских деталей отделки. Завораживающий остилатный рифф в «Караване», вокальное трио, поющее «вадидуди-дадидуда», скэт-соло, а этот тембр, передаваемый, немножко в нос, с ленцой — в «Сан-Луи»! А вступления в обеих вещах, а соло трубы! Этому пытались подражать, это было догматом,

ИЗ ЛЕГЕНДЫ



но» и «Парень-паренек». Их часто пели и в оригинальном виде и с новыми словами, написанными к тому или иному случаю. Кстати, Рознер — это и часть польской музыки, польской культуры. Тот же «Паренек» — это русский вариант популярнейшей в Польше песни «Чиха вода бжеги рве» (Тихая вода рвет берега). А как плакали поляки, когда их любимец Альберт Гаррис пел «Песню о моей Варшаве» или «Забывший переулок»! Это тоже теперь переиздано. И замечательная находка — фантазия «Сказки венского леса», наигранная в 1940 году, воспроизведенная со звуковой дорожки кинофильма!

И все же, отряхнув сентиментальность ностальгии, задаешь себе вопрос, был ли Рознер «второй джазовой трубой мира»? Да нет, конечно. Ни одного импровизационного соло, и со свингом не все в порядке, и вообще — мало джаза. Подход Рознера к джазовой части его репертуара был похож на принципы Арти Шоу: из всего стремились сделать шедевр с точки зрения массового джазового вкуса. Все соло Рознера были тщательнейшим образом выверены,

он не играл ничего лишнего. Звук его трубы — и открытой и с сурдиной — было невозможно спутать ни с каким другим. В нем было что-то от колоратурного сопрано, что-то от саксофона-сопрано, что-то от термен-вокса, что-то от грядущей электроники, что-то неведомое и завораживающее. Ее интонация была безупречной, и в этой музыкальной правде и была, наверное, высшая художественная ценность, давшая бессмертие этому феномену.

В 50-е годы с джазовой славой Рознера мог конкурировать, пожалуй, только оркестр Артемия Айвазяна, ставший сегодня тоже легендой. «Родина», «Каринэ», «Джан Ереван» и, конечно же, оба «Каравана» (эллингтоновский и айвазыновский) — как популярны были эти вещи! Их мелодии долго играли на танцах. Пластинки, когда они исчезали из продажи, разыскивались, выменивались — ведь другого почти не было. Сейчас хорошо слышно, что во всем этом было не так уж много джаза, скорее то была армянская музыка с легким джазовым налетом, но в ней были дразнящие альтерации, непресные тембры, диссонансирующие аккорды, по которым тосковал слух, здесь была, кстати, и та искренность и простота чувств, та чисто дружеская улыбка (порой не без плутовства), которая в наших широтах почти вся осталась лишь в песнях прошлых лет, ставших воспоминаниями.

Мы сейчас знаем о послевоенных десятилетиях гораздо больше, чем тогда, когда мы в них жили. Сегодня это история, наше прошлое. Слушая музыку той поры, вспомним то немногое радостное, что давало нам силы выжить и остаться людьми.

Алексей БАТАШЕВ